

Возможность отнесения Конституции к источникам уголовного права

*Арзамасцев Максим Васильевич,
ведущий советник Управления конституционных основ
уголовной юстиции Конституционного Суда Российской Федерации,
доцент кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук
m.arzamascev@spbu.ru*

В статье анализируется проблема отнесения Конституции к источникам уголовного права. Показано, что в настоящее время отсутствует единая концепция таких источников, а из различных теорий лишь плюралистические допускают включение в круг формальных источников уголовного права нормативных актов другой отраслевой принадлежности в связи с их прямым действием в уголовно-правовых отношениях. Автором предложена критика идей, выделяющих в конституционных предписаниях признаки уголовно-правовых норм. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что на уровне Конституции закрепляются не собственно уголовно-правовые положения, а конституционные основы уголовного права, в круг которых предлагается отнести конституционную легитимацию уголовно-правового принуждения и его пределы; концептуальные начала уголовного права и конституционные требования к уголовному закону, его действие в системе правового регулирования; конституционные основания уголовно-правовых запретов и институтов Общей части; конституционную аксиологию уголовного права.

Ключевые слова: Конституция РФ, уголовное право, формальные источники права, конституционные основы уголовного права.

Положение о высшей юридической силе и прямом действии Конституции РФ (ч. 1 ст. 15) поставило перед исследователями вопрос о включении ее в круг источников не только собственно конституционного права, но и отдельных отраслей. Особую сложность данная проблема имеет применительно к уголовному праву, поскольку в ч. 1 ст. 1 УК РФ содержится указание на полную кодификацию уголовного законодательства.

Предваряя дальнейший анализ, необходимо отметить, что в отечественном правоведении часто используется деление источников уголовного права на материальные (источник права в широком смысле, социальный, генетический источник) и формальные (в узком смысле, источник норм уголовного права)¹. Между тем, как справедливо отмечено А.Э. Жалинским, иные явления порождают детерминанты, движущие силы и другие подобные факторы². Ранее в общей теории права С.Л. Зивсом предложено заменить понятие «источник права в материальном смысле» характеристикой совокупности факторов, определяющих содержание права данного общества³. С учетом этого материальные источники уголовного права правильнее рассматривать как его основания или социальные основания⁴. В связи

с изложенным далее под термином «источник уголовного права» будет пониматься лишь формальный источник, если не оговорено иное⁵.

Применительно к советскому периоду, когда конституции не были актами прямого действия, в уголовно-правовой науке распространенной была позиция, согласно которой конституционные нормы, являющиеся юридической основой уголовных законов, сами не могут быть отнесены к таковым⁶. Сегодня похожую идею отстаивает К.О. Копшева, отмечая, что Конституция РФ выступает основанием российского уголовного законодательства, является его материальным источником и порождает уголовно-правовые нормы⁷. В этом подходе исключается признание Конституции РФ формальным источником уголовного права.

Между тем современные специалисты преимущественно признают универсальное значение Конституции РФ для всех отраслей права. Например, Н.В. Витруком отмечено, что конституционное право имеет надотраслевой характер и является вершиной (фундаментом, ядром) российского права. Это предопределяется, в числе прочего, верховенством и высшей силой Конституции в системе источников и тем, что конституционные установления

¹ См., например: Марченко М.Н. Источники права : учеб. пособие. М., 2008. С. 45–52 и далее ; Бибиц О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 6 ; Антипов С.А. Понятие конституционных основ Общей части уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2. С. 201.

² См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 289.

³ См.: Зивс С.Л. Источники права. М., 1981. С. 22.

⁴ См. также: Основания уголовно-правового запрета. М., 1982.

⁵ Считают целесообразным исследовать источники уголовного права собственно как формальные и другие авторы (см.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 76 ; Пудовочкин Ю.Е. Некоторые вопросы теории источников уголовного права // Общество и право. 2014. № 4. С. 315).

⁶ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 26.

⁷ Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 9, 21.

являются исходными, определяющими для *всех* отраслей российского права⁸ (выделено мной. — М.А.).

Более детально это показано Н.С. Бондарем, который отмечает, что конституционное право является отраслью публично-частного права⁹, указывает, что Конституция является универсальным правовым актом, основополагающим источником для отраслей как публичного, так и частного права. Ценностное назначение конституционного права проявляется в том, что это *ядро всей правовой системы и каждой отрасли в отдельности* (выделено автором. — М.А.). Далее Н.С. Бондарь схематично обозначает это ядро как двухуровневое: первичный уровень («малое» конституционное ядро) — сфера исключительного правового регулирования конституционного права; второй, внешний уровень («большое» конституционное ядро) — сфера совместного с другими отраслями конституционного регулирования¹⁰.

Как отмечает А.Н. Кокотов, одна из задач конституционного права — закрепление исходных для всех отраслей права ценностей. При этом, по его оценке, многие конституционные нормы определяют содержание отдельных отраслей права, что означает их одновременную принадлежность и конституционному праву, и соответствующим отраслям. Конституционные же нормы действуют вместе с нормами отраслевого законодательства, а при необходимости и вместо них (при их отсутствии или неконституционности). Вместе с тем конституционные нормы не способны служить нормативной основой применения мер уголовной, административной, гражданской ответственности¹¹.

Итак, хотя универсальное значение Конституции и позволяет отнести ее к источникам большинства отраслей права, но это еще не предполагает автоматическое признание ее источником именно уголовного права. Например, А.В. Мадьярова относит Конституцию РФ к межотраслевым, универсальным источникам права, не являющимся специальными отраслевыми уголовно-правовыми источниками¹². Сходным образом рассуждает и А.И. Бойко, указывая, что Конституция есть идейный источник всего отраслевого законодательства страны, а потому не может быть формальным источником одной отрасли права¹³.

Более того, строгость уголовной ответственности (присущий ей уровень ограничения прав граждан) предъявляет особые требования не только к содержанию уголовно-правовых норм, но и к кругу источников уголовного права, в связи с чем анализируемый вопрос требует детального рассмотрения в уголовно-правовом контексте.

В настоящее время активизировалась дискуссия о монистичности либо плюралистичности формальных источников уголовного права, результатом которой пока не стала единая (или хотя бы господствующая) точка зрения,

вследствие чего признается отсутствие концепции таких источников¹⁴.

Сторонники строгого, монистического подхода описываются на ч. 1 ст. 1 УК РФ, которая подчеркивает эксклюзивность самого Кодекса как охватывающего всю систему уголовного законодательства. На этой основе они утверждают, что Уголовный кодекс РФ является единственным источником уголовного права, все другие нормативные правовые акты государства носят лишь ориентирующий, вспомогательный, разъясняющий характер и не могут быть таким источником¹⁵. Эта точка зрения, хотя ее можно считать традиционной, в настоящее время не является господствующей в науке уголовного права. Кроме того, она становится все менее категоричной, обрастает дополнительными оговорками и условиями. Например, по мнению И.Э. Звечаровского, «данное законодательное положение (ч. 1 ст. 1 УК РФ. — Прим. М.А.) носит более функциональный, а не абсолютный характер»¹⁶. Также И.Я. Козаченко уточняет: «...уголовный закон является единственным источником уголовного права лишь в плане нормотворческой деятельности. Что же касается сферы применения норм уголовного права, то число ее источников богаче и разнообразнее, а уголовный закон силен именно своим применением»¹⁷.

С учетом этого все большее число сторонников приобретают промежуточные теории, в которых УК РФ признается основным уголовным законом¹⁸ либо главным источником уголовного права¹⁹, что предполагает наличие и иных — «вторичных или производных от уголовного закона»²⁰, которые иначе можно назвать дополнительными²¹, вспомогательными. Эта идея показана А.И. Бойцовым через признание эксклюзивности УК РФ как единственного формального источника уголовного права, как ядра уголовного законодательства, к которому примыкают другие акты, вместе с тем являющиеся самостоятельными элементами системы уголовного законодательства (в частности, акты, санкционирующие уголовный закон, вводящие его в действие, дополняющие и изменяющие его, а также дающие аутентическое толкование)²². В таком понимании круг источников уго-

⁸ Конституционное право Российской Федерации : учебник / под общ. ред. Н.В. Витрука. М., 2011. С. 29 (автор главы — Н.В. Витрук).

⁹ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : монография. М., 2016. С. 281.

¹⁰ Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1 (1). С. 10–12.

¹¹ См.: Конституционное право России : учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.С. Саликов. М., 2014. С. 18–20 (автор главы — А.Н. Кокотов).

¹² Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб., 2002. С. 278.

¹³ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. II: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 152 (автор главы — А.И. Бойко).

¹⁴ См.: Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права : монография. М., 2010. С. 3–4; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. II: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 107–149 (автор главы — А.И. Бойко); Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46–59 и др.

¹⁵ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В.П. Ревина. М., 2016. С. 14 (автор параграфа — В.П. Ревин).

¹⁶ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2010. С. 39 (автор главы — И.Э. Звечаровский).

¹⁷ Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 195 (автор главы — И.Я. Козаченко).

¹⁸ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. Т. 1: Общая часть. М. : Юрид. лит., 2004. С. 56.

¹⁹ Кочой С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части : краткий курс. М., 2010. С. 13.

²⁰ Никулина В. Анализ источников уголовного права постсоциалистических стран в свете других правовых систем мира // Закон и действительность. 2005. № 1. С. 41.

²¹ В Германии к дополнительному уголовному праву отнесены законы, регулирующие соответствующую сферу (например, уплату налогов, защиту животных, оборот оружия, дорожное движение и т.п.) и содержащие описание отдельных уголовно-правовых деликтов (Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть : пер. с нем. М., 2013. С. 13).

²² См.: Уголовное право России: Общая часть : учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 221–222 (автор главы — А.И. Бойцов).

ловного права расширяется за счет актов, выполняющих дополнительную, вспомогательную роль по отношению к кодифицированному уголовному закону (по сути — не действующим без него)²³. Соответственно, множественность источников уголовного права в этих теориях носит относительный (и достаточно условный) характер.

Нельзя считать полноценным признанием плюралистичности источников уголовного права и подход отдельных авторов, допускающих — в соответствии с ч. 3 ст. 331 УК РФ — самостоятельное применение законодательства военного времени²⁴. Во-первых, легитимация этой самостоятельности выводится из нормы Кодекса, во-вторых, такого законодательства до сих пор не разработано, в связи с чем нельзя исключать, что оно может быть построено законодателем по модели темпоральных норм УК РФ, т.е. остающихся в рамках этого же источника, но действующих ограниченный период времени. Возможность такого, временного, регулирования ответственности впервые продемонстрирована Федеральным законом от 5 февраля 2018 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части введения административной ответственности за незаконную реализацию входных билетов на матчи чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года»²⁵, установившим на период указанного чемпионата мира (по сути — на несколько месяцев 2018 г.) административную ответственность за граничащую с преступлением (ст. 159, 327 УК РФ) реализацию поддельных входных билетов на матчи или поддельных документов, дающих право на получение таких входных билетов на матчи чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г. (ст. 14.15.3 КоАП РФ).

Развернутая система дополнительных источников уголовного права представлена М.А. Кауфманом и включает в себя, по его подсчетам: 1) УК РСФСР (сохраняющий свое ультраактивное действие); 2) нормы УК РФ в старой редакции; 3) отдельные уголовно-правовые акты бывшего СССР (действующие в части, не противоречащей УК РФ); 4) постановления Государственной Думы об амнистии; 5) нормы международного права, особенно в отношении конвенционных преступлений (хотя указанный автор и признает их непосредственное применение затруднительным, если не невозможным; 6) законодательство военного времени; 7) разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики и все виды решений по конкретным уголовным делам; 8) подзаконные нормативные акты, к которым относится бланкетная диспозиция статьи уголовного закона. И окончательный вывод М.А. Кауфмана традиционен для промежуточных теорий, что в системе источников уголовного права УК РФ является основным, но отнюдь не единственным источником²⁶. В рамках данного подхода таким же дополнительным источником уголовного права должен считаться и Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»²⁷.

Плюралистические теории источников уголовного права строятся на других идеях.

В частности, М.Д. Шаргородский выделял два вида источников уголовного права: первые, не создающие

новых составов преступлений (в этом отношении не отличающиеся от источников других отраслей права), и вторые, предусматривающие такие составы (их М.Д. Шаргородский определял как нормы уголовного права в узком смысле этого слова)²⁸.

В настоящее время эту идею продолжают развивать многие авторы. Так, О.Н. Бибикиком предложено различать в системе уголовного законодательства собственно уголовные законы (предусматривающие уголовную ответственность и подлежащие обязательной кодификации) и иные законы, регулирующие уголовно-правовые отношения²⁹.

В свою очередь М.С. Жук, отмечая полиисточниковый характер уголовного права, констатирует отсутствие теоретических препятствий к тому, чтобы уголовно-правовые предписания содержались и в УК РФ, и в иных нормативных правовых актах. При этом единственно возможной формой выражения нормативных предписаний, устанавливающих преступность и наказуемость деяния, он признает УК РФ, а в иные источники допускает включение уголовно-правовых предписаний, не связанных с установлением уголовной ответственности³⁰. Подробнее рассмотрены виды подобных источников Н.И. Пикуровым, который предлагает различать источник уголовно-правового запрета и уголовно-правовых последствий, источники правовых норм, регулирующих отдельные вопросы уголовного права, а также используемых для конкретизации бланкетных признаков состава преступления³¹.

Анализ с такой точки зрения ч. 1 ст. 1 УК РФ сразу обращает внимание, что она требует обязательной кодификации лишь таких новых законов, которые предусматривают, вводят или изменяют уголовную ответственность, являются источниками запретов и последствий их нарушения. Из этого следует, что положения, исключаящие такую ответственность, могут содержаться и в иных нормативных правовых актах. Например, причинение вреда вследствие применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок такого применения этих мер принуждения, не влечет уголовной ответственности (п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»³²). Очевидно, что такие нормативные правовые акты понимаются в этом разъяснении как формальные источники уголовного права, поскольку правоприменители, отказывая в возбуждении или прекращая уголовное дело, постановляя оправдательный приговор, должны в мотивировочной части своего решения сослаться на них, объяснив тем самым неприменение норм УК РФ о причинении соответствующего вреда.

В целом идея множественности источников уголовного права объясняется прагматическими соображениями достаточно часто. Например, по мнению А.Э. Жалинского, «любой случай обращения к уголовному праву наглядно доказывает, что необходимая его адресату информация, как правило, выходит за пределы

²³ Такую же роль играют и акты об амнистии, вопрос о нормативном характере которых разрешен в Постановлении КС РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П (СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3059).

²⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М., 2017. С. 7.

²⁵ СЗ РФ. 2018. № 7. Ст. 973.

²⁶ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 2: Уголовный закон. СПб., 2009. С. 57–70.

²⁷ СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2296.

²⁸ Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 125.

²⁹ См.: Бибики О.Н. Указ. соч. С. 85.

³⁰ См.: Жук М.С. Форма выражения института права // Общество и право. 2010. № 1. С. 140–143.

³¹ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть : учеб. пособие / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яцеленко. М., 2010. С. 104.

³² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

уголовного закона»³³, вследствие чего предлагается понимать под источниками уголовного права «все текстуально существующие способы выражения уголовно релевантной информации, содержанием которой действительно или предположительно являются связывающие адресата уголовно-правовые нормативные предписания»³⁴.

Также Ю.Е. Пудовочкин отстаивает подход, выражающийся во включении в круг источников как форм права, которые легализованы в государстве, так и тех, которые реально применяются прежде всего в судах³⁵. Частично его взгляды базируются на идее О.Н. Библика, который, выделив фактические (фактически признаваемые) источники уголовного права, отнес их к случаям, когда «государство формально не признает явление в качестве источника права, но фактически обеспечивает реализацию содержащихся в нем норм»³⁶. Вместе с тем указанный автор противопоставляет фактические источники формальным, хотя последние сохраняют одновременно и юридическое, и фактическое признание. Кроме того, представляется, что виды источников выделяются им по различным основаниям, в связи с чем такая классификация источников на формальные и фактические не в полной мере отвечает логическим правилам деления понятий; не показано в ней и соотношение фактических и социальных источников. И последнее, в силу принципа законности суды не могут разрешать уголовные дела, ссылаясь на такие фактические (но юридически не признаваемые) источники. Конечно, это не исключает влияния на судебную практику, например, юридической науки, но оно проявляется в действии на правосознание судей, на формирование у них внутреннего убеждения, а не в прямых ссылках на доктринальные положения при обосновании и мотивировке их решений по уголовным делам.

Прагматически рассуждает и К.В. Ображиев, расширяя круг источников уголовного права, в частности, за счет нормативных правовых актов, в которых содержится бланкетная часть уголовно-правовой нормы, поскольку «без этих предписаний соответствующие уголовно-правовые нормы будут неполными и утратят регулятивные свойства»³⁷. При решении вопроса о возможности отнесения правового акта к числу источников уголовного права указанный автор предлагает не абсолютизировать его отраслевую принадлежность³⁸.

Таким образом, вопрос о возможности признания Конституции источником уголовного права может быть поставлен лишь в рамках плюралистических теорий источников этой отрасли права, которые преимущественно опираются на прагматические рассуждения. Вместе с тем сама по себе возможность непосредственного применения положений Конституции при разрешении уголовных

дел еще не означает автоматически, что они приобретают уголовно-правовой характер, они могут оставаться и собственно конституционными. Поэтому необходимо дополнительно рассмотреть вопрос, проявляются ли в Конституции РФ признаки источника именно уголовного права.

Обычно существенным признаком источника уголовного права считают наличие в правовом акте нормы, регулирующей уголовно-правовые отношения³⁹, уголовно-правовой нормы⁴⁰ или хотя бы определенного элемента такой нормы⁴¹; иначе определен этот признак А.Э. Жалинским как «соотносимость с уголовным правом, релевантность к его реализации»⁴². В первом приближении представляется, что в конституционных положениях не содержится полного текста какой-либо уголовно-правовой нормы. Если же применить классификацию норм уголовного права, предложенную В.Д. Филимоновым (которым выделены нормы, осуществляющие правовое регулирование в отношении поведения граждан и (или) деятельности государственных органов: непосредственно и опосредованно — через использование других правовых норм, причем эта группа норм может иметь предмет своего регулирования не только поведение граждан и деятельность правоохранительных органов, но и законотворческую деятельность)⁴³, то окажется, что положения Конституции РФ, которая по своей сути представляет «формализованный общественный договор о принципах государственного и общественного устройства»⁴⁴, совпадают в этом смысле по предмету регулирования со второй группой норм уголовного права. Впрочем, это характерно для соотношения Конституции не только с уголовным правом, но и с другими отраслями права. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, в условиях конституционализации правовой жизни нельзя разграничивать конституционное право от других отраслей «по горизонтали» (в зависимости от сферы общественных отношений)⁴⁵. Кроме того, это не означает их совпадение по характеру регулирования.

Прямое действие Конституции в уголовно-правовых отношениях и придание ей свойства формального источника уголовного права обычно признают в следующих четырех случаях.

Во-первых, В.П. Коняхиным указывается на выполнение Конституцией по отношению к уголовному праву различных функций: идеологической (мировоззренческой), которая выражается в создании концептуальной основы уголовного права и определении стратегии его развития и применения в целом; системообразующей, которая связана с формированием вертикальной (иерархической) структуры и очерчиванием круга его возможных нормативных источников; конструктивной, осуществляемой конституционными предписаниями, которые дополняют или определяют содержание отдельных уголовно-правовых предписаний или институтов⁴⁶. Между тем эти функции направлены на законодательную деятельность. И тогда становится понятным вывод указанного автора, что для законодательного органа Конституция — фор-

³³ Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 287.

³⁴ Там же. С. 292.

Более традиционное определение предложено О.Н. Библиком, который под источником норм уголовного права понимает «явление правовой действительности, облеченное в определенную форму, признаваемое государством, содержащее уголовно-правовые нормы либо их элементы, регулирующие уголовно-правовые отношения в Российской Федерации и относящиеся к ее правовой системе» (Библик О.Н. Указ. соч. С. 6).

Поскольку настоящая работа не преследует своей целью разработку нового понятия источника уголовного права и поскольку различия в процитированных определениях представляются не столь уж существенными (что будет показано далее, при выявлении признака, характеризующего тот или иной акт именно как источник уголовного права), то можно ограничиться предложенными в литературе дефинициями.

³⁵ См.: Пудовочкин Ю.Е. Указ. соч. С. 316.

³⁶ См.: Библик О.Н. Указ. соч. С. 7, 20–21.

³⁷ Ображиев К.В. Указ. монография. С. 43.

³⁸ Там же. С. 44.

³⁹ Там же. С. 22.

⁴⁰ Сохиян А.С. Виды источников уголовного права Украины // *International Scientific and Practical Conference World science*. 2017. Т. 5. № 4 (20). С. 23–27.

⁴¹ Библик О.Н. Указ. соч. С. 6.

⁴² Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 290.

⁴³ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 15–16.

⁴⁴ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография. М., 2016. С. 205.

⁴⁵ Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции. С. 11.

⁴⁶ Коняхин В.П. Указ. соч. С. 81–84.

мальный источник уголовного права, имеющий прямое действие во всех случаях⁴⁷. Вместе с тем перечисленные им конституционные положения по своим функциям как раз и формируют основы уголовного права, не становясь при этом уголовно-правовыми. Иное означало бы неоправданное и необоснованное понижение их места в правовой системе. И тем более нельзя наделять конституционные положения дополняющим значением по отношению к уголовно-правовым. Не отвечают эти положения и прагматическим целям, которые ставятся перед источниками уголовного права в плюралистических теориях.

Во-вторых, по оценке В.П. Коныхина, для правоприменительного органа Конституция признается формальным источником уголовного права при коллизии конституционных и уголовно-правовых предписаний или в редких случаях допустимого восполнения пробелов⁴⁸. Более сдержан Н.И. Пикуров, который считает, что непосредственное применение Конституции в уголовно-правовых отношениях «возможно только для ограничения или исключения уголовной ответственности, если уголовный закон в этой части противоречит Конституции»⁴⁹. Напротив, С.А. Антипов идет дальше, заявляя, что «конституционная норма по степени конкретности своего содержания должна быть пригодна для преодоления уголовно-правового пробела»⁵⁰. Но даже на стыке конституционных и уголовно-правовых предписаний степень конкретности первых не может быть большей, чем вторых. Кроме того, недопустимо восполнение пробелов в криминализации или пенализации деяний за счет конституционных положений. Само же блокирование положениями Конституции РФ действия норм уголовного права еще не означает изменение правовой природы имеющих высшую юридическую силу конституционных положений.

Даже сторонники анализируемого подхода, признающие, что источники права, содержащие конституционные нормы, могут применяться в уголовно-правовом регулировании в случаях, когда уголовно-правовые нормы противоречат конституционным нормам, приходят к выводу, что все же конституционные нормы не становятся при этом уголовно-правовыми, их отраслевая принадлежность и функциональное назначение остаются прежними⁵¹.

Например, ст. 182 УК РСФСР (действовавшего до 1 января 1997 г.) предусматривала уголовную ответственность за отказ или уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний. С очевидностью эта норма была направлена на правовое обеспечение обязанности дачи показаний. Но она, в отличие от действующей ст. 308 УК РФ, не предусматривала неприменение уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников. Не вытекало это обстоятельство и из норм УПК РСФСР (ст. 155–161). Соответственно, в тот период времени для определения круга лиц, не подлежащих ответственности по ст. 182 УК РСФСР, необходимо было обращение к ч. 1 ст. 51 Конституции РФ. Вместе с тем это конституционное положение само по себе исключает обязанность свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, образуя лишь в системе правового регулирования обстоятельство, блокирующее уголовную ответственность.

Другими словами, ч. 1 ст. 51 Конституции РФ и в период действия УК РСФСР, и в настоящее время имеет внешнее значение для уголовного права, образуя ту границу (те случаи), где (когда) законодатель не вправе устанавливать уголовную ответственность за отказ от дачи показаний, но само по себе не регулируя содержание соответствующих уголовно-правовых отношений.

Сторонники признания Конституции формальным источником уголовного права в подобных случаях⁵² нередко ссылаются на предыдущую редакцию подп. «б» п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»⁵³, в котором разъяснялось, что суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности, когда придет к выводу, что федеральный закон, действовавший до вступления в силу Конституции РФ, противоречит ей.

Однако обращает на себя внимание, что даже в этом случае положения Конституции исключали применение конкретной уголовно-правовой нормы, т.е. сами по себе, без наличия и до его появления какого-либо уголовно-правового запрета, они не предопределяют применение уголовной ответственности. Или, другими словами, прямое действие норм Конституции может проявляться в уголовно-правовых отношениях только в связи с нормой уголовного закона и лишь для определения границ оказываемой той уголовно-правового воздействия. То есть материально-правовой вопрос по уголовному делу не может возникать исключительно на основании норм Конституции РФ.

Признание конкретной нормы уголовного закона противоречащей тем или иным положениям Конституции РФ, по сути, означает дисквалификацию этой уголовно-правовой нормы из системы регулирования, что равнозначно ее отсутствию. В случае, когда неконституционной признается специальная норма (например, необоснованно устанавливающая более мягкую ответственность), в уголовно-правовых отношениях подлежит применению не собственно Конституция, а общая норма, как это было в ситуации со ст. 159⁴ УК РФ⁵⁴.

Кроме того, в настоящее время, как указал Конституционный Суд РФ, выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может являться только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции с учетом разграничения их компетенции, предполагающего, с одной стороны, реализацию судом общей юрисдикции правомочия поставить вопрос о конституционности соответствующих норм перед Конституционным Судом РФ, а с другой — обязанность Конституционного Суда РФ окончательно разрешить этот вопрос⁵⁵. Соответственно, правоприменитель при рассмотрении уголовного дела не может самостоятельно разрешить коллизию между конституционными и уголовно-правовыми нормами.

В-третьих, в науке отстаивается идея о том, что уголовно-правовые положения, не связанные с установлением уголовной ответственности, могут быть выражены в Конституции РФ⁵⁶. В частности, отдельные положения Конституции (чаще всего ч. 2 ст. 20 и ч. 1 ст. 50, реже — ч. 2 ст. 63 и др.) признаются уголовно-правовыми по содержанию. Так, К.В. Ображиев полагает,

⁴⁷ Там же. С. 84.

⁴⁸ Там же. С. 84–88.

⁴⁹ Пикуров Н.И. Системные свойства уголовного права // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. Саратов, 2002. С. 21.

⁵⁰ Антипов С.А. Указ. соч. С. 203.

⁵¹ См.: Бибик О.Н. Указ. соч. С. 42–43.

⁵² См.: Ображиев К.В. Указ. монография. С. 73–74.

⁵³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

⁵⁴ Постановление КС РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П // СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7784.

⁵⁵ Постановление КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

⁵⁶ См.: Жук М.С. Форма выражения института права. С. 143.

что они являются конституционными лишь по форме своего выражения, оставаясь при этом уголовно-правовыми по содержанию⁵⁷. По мнению Т.А. Плаксиной, эти положения Конституции РФ (в их число она также включает ч. 2 ст. 21) имеют двойственную природу, отражающую их принадлежность одновременно конституционному и уголовному праву, что позволяет ей отнести Конституцию к числу формальных источников уголовного права⁵⁸.

По данному вопросу позиция другого исследователя — О.Н. Библика представляется противоречивой. С одной стороны, он утверждает, что «положения Конституции РФ выступают в качестве юридической базы всего российского законодательства, социального (а не формального. — Прим. М.А.) источника уголовного права»⁵⁹. С другой — прямо указывает, что Конституция является источником уголовного права, поскольку «содержит уголовно-правовые нормы, а не собственно нормы универсального характера»⁶⁰. К таким уголовно-правовым нормам им как раз и отнесены исключительно положения ст. 20, 50 и 63 Конституции РФ, иные же положения Конституции РФ не могут, по мнению О.Н. Библика, считаться уголовно-правовыми⁶¹.

Даже краткий анализ показывает, что ст. 20 сама по себе не устанавливает наказуемость особо тяжких преступлений против жизни ни тем более — каких-либо их признаков. Не регулирует она непосредственно и уголовно-правовые отношения. Она адресована законодателю, очерчивая максимальный предел уголовно-правового принуждения в виде смертной казни, а также косвенно указывая на необходимость категоризации преступлений (выделение категории особо тяжких, а во взаимосвязи с ч. 1 ст. 93 Конституции РФ — и тяжких преступлений) и задавая приоритет в уголовно-правовой охране жизни по сравнению с другими объектами.

Хотя ч. 1 ст. 50 Конституции РФ устанавливает запрет повторного осуждения за одно и то же преступление (выделено мной. — М.А.), но этот запрет — либо в рамках категории публично-правовой ответственности, используемой Конституционным Судом РФ⁶², либо на основании разработанной Европейским Судом по правам человека конструкции «уголовно-правовой сферы» (англ. *criminal matter*)⁶³ — одновременно исключает и возможность применения административного и уголовного наказаний за одно и то же деяние, т.е. эта норма с очевидностью выходит за пределы уголовно-правовой сферы.

Еще меньше оснований считать собственно уголовно-правовой нормой положение ч. 2 ст. 63 Конституции РФ, поскольку оно закрепляет конституционные гарантии невыдачи лица другому государству, а также определяет дискреционные полномочия по принятию федерального закона или заключению международного договора по вопросам выдачи обвиняемых, а также передачи осужденных.

Конечно, можно сослаться на то, что цели экстрадиции преступников — «предупреждать и деятельно пре-

секать нарушение уголовного закона»⁶⁴, а «включение экстрадиции в орбиту уголовно-процессуального права оправдано лишь в той мере, в какой уголовный процесс вторичен по отношению к уголовному праву, а определение процедурных вопросов экстрадиции возможно лишь в связи с вычлениением ее уголовно-материального содержания, позволяющего усматривать генетическую связь экстрадиции прежде всего с уголовным правом»⁶⁵. Но даже если признать уголовно-правовую (а не межотраслевую) природу экстрадиции, то ч. 2 ст. 63 Конституции РФ не определяет содержание этого института; она предназначена не для регулирования этих отношений, а для закрепления общего основания выдачи — совершение действия (бездействия), признаваемого преступлением в российском законодательстве, а также установления случаев, при которых соответствующие правовые акты (федеральные законы или международные договоры) не могут предусматривать выдачу лиц другим государствам. Таким образом, анализируемое конституционное положение определяет не внутреннее содержание уголовно-правовой нормы, а ее внешние границы, за которые не могут выходить дискреционные полномочия субъектов принятия федеральных законов или заключения международных договоров.

Сходным образом определен внешний предел допустимого наказания (причем без конкретизации его как собственно уголовного) и в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ.

Соответственно, положения ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 21, ч. 1 ст. 50, ч. 2 ст. 63 Конституции РФ нельзя считать элементами отраслевые уголовно-правовые нормы или элементы такой нормы, они, оставаясь конституционными по своей правовой природе, сохраняют свое внешнее значение для уголовного права, закрепляя отдельные из его конституционных основ.

Кроме того, не могут считаться собственно уголовно-правовыми и положения Конституции, закрепляющие дискреционные полномочия Государственной Думы об объявлении амнистии, поскольку нормы об амнистии содержатся и в конституционном, и в уголовном, и в уголовно-процессуальном, и в уголовно-исполнительном законодательствах (кроме того, КоАП РФ закрепляет возможность освобождения от административного наказания в связи с амнистией).

В-четвертых, Конституция признается источником уголовного права в связи с восходящей бланкетностью отдельных положений уголовного закона⁶⁶. Между тем само по себе отнесение бланкетных положений к уголовно-правовым внутренне противоречиво. Например, К.В. Образиев считает источником уголовного права нормативные правовые акты, не входящие в состав уголовного законодательства, но содержащие «бланкетную

⁶⁴ Бойцов А. И. Выдача преступников. СПб., 2004. С. 787.

⁶⁵ Там же. С. 119.

⁶⁶ Термин «восходящая бланкетность» определен А.И. Бойцовым изначально к международно-правовым актам. Он пишет: «...бланкетность уголовного закона может быть как нисходящей, т.е. обращенной к внутренним актам подзаконного (подчиненного) уровня, так и восходящей — обращенной к международно-правовым актам надзаконного (приоритетного) характера» (Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С. 35). В последующем он также указал на «подчиненность российского УК общепризнанным принципам и нормам, сформулированным в названных (международных. — М.А.) актах» (Уголовное право России: Общая часть : учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 226).

Учитывая высшую юридическую силу Конституции РФ (ч. 1 ст. 15), можно, с одной стороны, признать подчиненность ей уголовного закона, а с другой — указать на возможность восходящей бланкетности уголовно-правовых норм к конституционным установлениям.

⁵⁷ Образиев К.В. Уголовно-правовое значение Конституции России // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 222.

⁵⁸ См.: Плаксина Т.А. Конституция Российской Федерации как формальный источник отечественного уголовного права: спорные вопросы // Юристы-Правоведь. 2017. № 1. С. 51.

⁵⁹ Библик О.Н. Указ. соч. С. 95.

⁶⁰ Там же. С. 93.

⁶¹ Там же. С. 96–97.

⁶² Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 20-П // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4657.

⁶³ Постановление ЕСПЧ от 8 июня 1976 г. «Энгель (Engel) и другие против Нидерландов» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 103–137.

часть уголовно-правовых норм», поскольку без этих предписаний «уголовно-правовые нормы будут неполными и утратят регулятивные свойства»⁶⁷, а их положения становятся неотъемлемой частью уголовно-правовых норм⁶⁸. С другой стороны, он отмечает, что «конституционные положения, выступающие в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм, не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений»⁶⁹. Представляется, что признание актов других отраслей права, с которыми уголовный закон устанавливает бланкетные связи, источниками уголовного права почти безгранично расширяет их круг, игнорируя целевое предназначение отраслевого законодательства. При этом очевидно, что отраслевая чистота не является самоцелью, а право в своем реальном проявлении всегда носит системный характер, образуя систему правового регулирования. Но нельзя включать в число источников уголовного права все эти акты, скорее нужно согласиться с выводом М.С. Жука, что иноотраслевое законодательство выполняет в случаях бланкетности роль источника официального толкования уголовного закона, не смешиваясь с собственно уголовно-правовым материалом⁷⁰.

Таким образом, во всех перечисленных случаях сохраняется внешнее, по отношению к уголовному праву, действие Конституции РФ. Конституционные положения сами по себе не могут определять преступность или наказуемость деяний. Прямое действие норм Конституции в вопросах преступности и наказуемости деяний преимущественно проявляется как уголовно-политическое, а не собственно уголовно-правовое, т.е. конституционные положения в этой сфере в основном имеют своим адресатом законодателя. Если переходить к формально-юридическим аргументам, то федеральный законодатель, принимая УК РФ, отметил роль Конституции не как источника (что требовало бы указания в ч. 1 ст. 1 уголовного закона), а как основу этого Кодекса (ч. 2 ст. 1).

Для деятельности законодателя конституционные положения задают параметры его дискреции, а в правоприменении могут лишь исключить, блокировать действие уголовно-правовых норм в силу их неконституционности, признанной Конституционным Судом РФ. При этом правовая природа и отраслевая принадлежность норм Конституции РФ остается прежней, что не позволяет считать ее формальным источником норм уголовного права или их элементов.

Конституция закрепляет не эти нормы, а конституционные основы уголовного права. При этом вопрос как о самих конституционных основах (основаниях) уголовного права, так и о механизме их действия остается недостаточно изученным⁷¹, вследствие чего требует самостоятельного анализа.

Предварительно же необходимо отнести к находящимся в «большом» конституционном ядре (по терминологии

Н.С. Бондаря) основам уголовного права следующие вопросы: конституционную легитимацию уголовно-правового принуждения и его пределы; концептуальные начала уголовного права⁷² и конституционные требования к уголовному закону, его действие в системе правового регулирования (взаимосвязь с другими отраслями права и разрешение межотраслевых коллизий, а также межотраслевая дифференциация публично-правовой ответственности); конституционные основания уголовно-правовых запретов и институтов Общей части⁷³; конституционную аксиологию⁷⁴ уголовного права.

Литература

1. Антипов С.А. Понятие конституционных основ Общей части уголовного права / С.А. Антипов // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2. С. 199–207.
2. Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.Б. Баумштейн. Курск, 2017. 39 с.
3. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / О.Н. Бибик. Омск, 2005. 228 с.
4. Бойцов А.И. Выдача преступников / А.И. Бойцов. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 795 с.
5. Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве / А.И. Бойцов. СПб. : СПбГУ, 1995. 795 с.
6. Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции / Н.С. Бондарь // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1 (1). С. 8–16.
7. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : монография / Н.С. Бондарь. М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. 528 с.
8. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. 319 с.

⁶⁷ Ображиев К.В. Указ. монография. С. 43.

⁶⁸ См.: Ображиев К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 99–100.

⁶⁹ Ображиев К.В. Уголовно-правовое значение Конституции России // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 223.

⁷⁰ См.: Жук М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права // Общество и право. 2010. № 4. С. 142.

⁷¹ Это признается и другими исследователями. См., например: Маркунцов С.А. Конституционные основы уголовно-правовых запретов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Выпуск 2а. Право. С. 110; Плохова В.И. Конституционные и международные нормы в УК РФ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 103.

⁷² По мнению А.Б. Баумштейна, концептуальные начала уголовного права, играющие ограничительно-направляющую роль, фактически закреплены в нормах уголовного закона явным образом либо могут быть выведены из него судебной практикой или общепризнанным мнением науки уголовного права (см.: Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2017. С. 8).

Вместе с тем в условиях правового государства и верховенства права такие начала могут иметь изначально лишь конституционную природу, хотя и реализуясь затем в уголовном законе.

⁷³ Например, А.М. Смирнов указывает, что ч. 2 ст. 45 Конституции РФ «субсидиарно предоставила каждому лицу право защищать свой правовой статус в любой сфере общественных отношений всеми не запрещенными законом способами», и считает ст. 37–39 УК РФ развитием этого конституционного положения (Смирнов А.М. Внесудебные формы защиты прав и свобод личности: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 5).

⁷⁴ К примеру, рассматривая уголовно-правовую охрану основ конституционного строя, А.Г. Хлебушкин, отмечает два подхода к определению понятия конституционного строя: юридический и аксиологический. При этом в сфере уголовно-правового воздействия, по его мнению, должен применяться исключительно юридический подход (Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны конституционного строя : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. С. 10). Между тем на более высоком уровне правового регулирования — в сфере конституционных основ уголовного права применение аксиологического подхода представляется допустимым и, видимо, обязательным.

9. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. М.: Проспект, 2009. 400 с.
10. Жук М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права / М.С. Жук // Общество и право. 2010. № 4. С. 139–143.
11. Жук М.С. Форма выражения института права / М.С. Жук // Общество и право. 2010. № 1. С. 140–145.
12. Зивс С.Л. Источники права / С.Л. Зивс. М.: Наука, 1981. 239 с.
13. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография / В.Д. Зорькин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 416 с.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2017. 736 с.
15. Конституционное право России: учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.С. Саликов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 448 с.
16. Конституционное право Российской Федерации: учебник / под общ. ред. Н.В. Витрука. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 656 с.
17. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 348 с.
18. Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.О. Копшева. Саратов, 2004. 26 с.
19. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации / А.И. Коробеев // Закон. 2015. № 8. С. 46–59.
20. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс / С.М. Кочои. М.: КОНТРАКТ; Волтерс Клувер, 2010. 416 с.
21. Курс российского уголовного права. Общая часть: учеб. пособие / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яцеленко. М.: Экономика, 2010. 666 с.
22. Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования / А.В. Мадьярова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 405 с.
23. Маркунцов С.А. Конституционные основы уголовно-правовых запретов / С.А. Маркунцов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 2а. Право. С. 110–114.
24. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие / М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2005. 760 с.
25. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1: Общая часть / А.В. Наумов. М.: Юридическая литература, 2004. 496 с.
26. Никулина В. Анализ источников уголовного права постсоциалистических стран в свете других правовых систем мира / В. Никулина // Закон и действительность. 2005. № 1. С. 40–41.
27. Ображиев К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм / К.В. Ображиев // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 99–105.
28. Ображиев К.В. Уголовно-правовое значение Конституции России / К.В. Ображиев // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 221–223.
29. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права: монография / К.В. Ображиев. М.: Юрлитинформ, 2010. 216 с.
30. Основания уголовно-правового запрета / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 301 с.
31. Пикуров Н.И. Системные свойства уголовного права / Н.И. Пикуров // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2002. 112 с.
32. Плаксина Т.А. Конституция Российской Федерации как формальный источник отечественного уголовного права: спорные вопросы / Т.А. Плаксина // Юристы-Правоведь. 2017. № 1. С. 47–53.
33. Плохова В.И. Конституционные и международные нормы в УК РФ / В.И. Плохова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 96–104.
34. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1133 с.
35. Пудовочкин Ю.Е. Некоторые вопросы теории источников уголовного права / Ю.Е. Пудовочкин // Общество и право. 2014. № 4. С. 314–317.
36. Смирнов А.М. Внесудебные формы защиты прав и свобод личности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук / А.М. Смирнов. М., 2017. С. 488.
37. Сохикян А.С. Виды источников уголовного права Украины / А.С. Сохикян // International Scientific and Practical Conference World science. 2017. Т. 5. № 4 (20). С. 23–27.
38. Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 1064 с.
39. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2016. 580 с.
40. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 639 с.
41. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. 2: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 656 с.
42. Филимонов В.Д. Норма уголовного права / В.Д. Филимонов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 281 с.
43. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть / Г. Фристер: пер. с нем. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 712 с.
44. Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны конституционного строя: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.Г. Хлебушкин. СПб., 2016. 41 с.
45. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву / М.Д. Шаргородский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 434 с.
46. Энциклопедия уголовного права. Т. 2: Уголовный закон / В.Л. Кудрявцев и др. СПб.: Издание проф. Малинина, 2005. 878 с.